

ПРОБЛЕМЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ОТДЕЛЬНЫМ ВИДАМ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

COUNTERACTION TO CERTAIN TYPES OF CRIME

УДК 343.3

DOI 10.17150/2500-4255.2017.11(2).299-307

СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ К ПОНИМАНИЮ НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ ЖИЛИЩА: УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ И МЕЖОТРАСЛЕВОЙ АСПЕКТЫ

С.И. Суслова, А.В. Бычков

Иркутский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), г. Иркутск, Российская Федерация

Информация о статье

Дата поступления
14 февраля 2017 г.

Дата принятия в печать
28 апреля 2017 г.

Дата онлайн-размещения
21 июня 2017 г.

Ключевые слова

Неприкосновенность;
жилище; жилое помещение;
проживающее лицо;
нематериальное благо;
статья 139 УК РФ; частная жизнь

Аннотация. Актуальность исследования правовых проблем не только в рамках узкоотраслевых особенностей, но и с применением междисциплинарных подходов в последнее время существенно возрастает. Неприкосновенность жилища как правовая категория нуждается в подобном осмыслении, поскольку большинство научных работ по ее изучению и анализу осуществляется обособленно представителями конституционного, уголовного, уголовно-процессуального и жилищного права. В статье рассмотрено несколько основных значений термина «неприкосновенность жилища», в которых он используется в различных отраслях права, и проведен их содержательный анализ. В наибольшей степени отраслевой подход проявился при характеристике объекта права на неприкосновенность жилища, вместе с тем при анализе субъекта данного права и его содержания наиболее эффективны межотраслевые подходы. В частности, при применении норм уголовного законодательства об определении воли проживающего лица на допуск в жилое помещение предложено использовать обоснованные в цивилистике взгляды на выражение согласия путем молчания. Проведено содержательное исследование категории «проживающее лицо» с позиции характеристики субъекта, обладающего правом на неприкосновенность жилища. Проиллюстрировано влияние разрабатываемых в гражданском праве теорий о неприкосновенности жилища в качестве нематериального или только имущественного блага на предупреждение преступлений, предусмотренных ст. 139 УК РФ. Сделан вывод о многозначности термина «неприкосновенность жилища» и необходимости его применения в доктрине и судебной практике в соответствии с его конкретным значением, в том числе как права, подлежащего защите, основного начала законодательства или гарантии осуществления права на неприкосновенность частной жизни.

MODERN APPROACHES TO UNDERSTANDING THE INVIOABILITY OF THE HOME: CRIMINAL LAW AND INTER-BRANCH ASPECTS

Svetlana I. Suslova, Artur V. Bychkov

Irkutsk Institute (branch) of All-Russian State University of Justice (the Russian Law Academy of the Ministry of Justice of the Russian Federation), Irkutsk, the Russian Federation

Article info

Received
2017 February 14

Accepted
2017 April 28

Available online
2017 June 21

Keywords

Invioability; home; living premises; resident; intangible benefits; Art. 139 of the Criminal Code of the Russian Federation; private life

Abstract. At present there is a growing need for the research of legal problems not only within the framework of specific branches of law, but also with the use of an inter-disciplinary approach. Invioability of the home as a legal category requires such understanding, as the majority of research studying and analyzing it is carried out independently by specialists in constitutional, criminal, criminal procedure and housing laws. The authors examine several key meanings of the term «invioability of the home» that are used in different branches of law and conduct their substantive analysis.

The branch-specific approach is most evident in the characteristics of the object of the right to the invioability of the home; at the same time, the analysis of the subject of this right and its contents is most effective if inter-branch approaches are used. In particular, the authors suggest that consent through silence, substantiated in civilistics, should be used when enforcing the norms of criminal legislation on determining the will of the resident to admit someone into their dwelling. They carry out a substantive analysis of the category «resident» from the standpoint of the characteristics of the subject who possesses the right to the invioability of the home. They also illustrate the impact of civil law theories of the invioability of the home viewed as an intangible or just a property benefit on the prevention of crimes under Art. 139 of the Criminal Code of the Russian Federation. The authors conclude that the term «invioability of the home» has several meanings and it should be used in the legal doctrine and court practice in accordance with its specific meaning, including as a right to be protected, as the basic foundation of legislation or the guarantee of enforcing a right to privacy.

Необходимо признать, что исследование проблем, связанных с неприкосновенностью жилища, уже давно вышло за рамки отраслевого подхода. Специалисты различных отраслей права, изучая возникающие в данном случае отношения и их правовое регулирование, вынуждены постоянно обращаться к нормам и Конституции¹, и Уголовного², и Уголовно-процессуального³, и Жилищного⁴ кодексов РФ, а также иных федеральных законов как публично-правовой, так и частно-правовой природы.

Анализ юридической литературы по данному вопросу позволяет сформулировать несколько основных значений, в которых в настоящее время употребляется термин «неприкосновенность жилища». Неприкосновенность жилища рассматривается, во-первых, как базовое конституционное право [1]; во-вторых, как конкретное субъективное право физического лица, носящее неимущественный характер [2]; в-третьих, как базовый принцип (основное начало) уголовного судопроизводства (ст. 12 УПК РФ) [3], а также жилищного законодательства (ст. 1, 3 ЖК РФ). В-четвертых, право на неприкосновенность жилища называется гарантией осуществления права на неприкосновенность частной жизни [4, с. 17] или частью более широкого права — права на личную свободу [5]. В цивилистической литературе имеет место дискуссия об отнесении неприкосновенности жилища к элементу правоспособности, поскольку неприкосновенность жилища выступает возможностью, в равной степени присущей всем и каждому [6, с. 644].

Несомненно, что только межотраслевой взгляд на проблему неприкосновенности жилища позволит сформулировать значимость каждого из приведенных пониманий термина

¹ Конституция Российской Федерации [Электронный ресурс] : принята всенар. голосованием 12 дек. 1993 г. (с учетом поправок, внесен. законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30 дек. 2008 г. № 6-ФКЗ, от 30 дек. 2008 г. № 7-ФКЗ, от 5 февр. 2014 г. № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ). URL: <http://www.pravo.gov.ru>.

² Уголовный кодекс Российской Федерации : федер. закон РФ от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 19 дек. 2016 г.) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

³ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : федер. закон РФ от 18 дек. 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 19 дек. 2016 г.) (с изм. и доп., вступ. в силу с 1 янв. 2017 г.) // Там же. 2001. № 52, ч. 1. Ст. 4921.

⁴ Жилищный кодекс Российской Федерации : федер. закон РФ от 29 дек. 2004 г. № 188-ФЗ (ред. от 28 дек. 2016 г.) (с изм. и доп., вступ. в силу с 1 янв. 2017 г.) // Там же. 2005. № 1, ч. 1. Ст. 14.

«неприкосновенность жилища» и выработать подходы к разрешению спорных ситуаций, возникающих на практике при реализации норм, регулирующих данные отношения.

Обсудим последовательно отмеченные значения. Как представляется, ни у кого не вызывает сомнений, что базовой является оценка неприкосновенности жилища как права, подлежащего защите.

Статья 25 Конституции РФ достаточно лаконично указывает, что «жилище неприкосновенно. Никто не вправе проникать в жилище против воли проживающих в нем лиц иначе как в случаях, установленных федеральным законом, или на основании судебного решения». Соответственно, содержание права человека на неприкосновенность жилища — это возможность его обладателя требовать от всех третьих лиц воздержания от совершения действий, направленных на вход в жилище. При этом объектом данного права выступает жилище, а субъектом законодательство называет лицо, проживающее в нем.

По поводу *объекта* — жилища — в юридической литературе проведена обширнейшая дискуссия, итог которой в целом таков: понятие жилища является отраслевым, в каждой отрасли права в него вкладывается собственное содержание; жилище — более широкое понятие, чем понятие жилого помещения; жилище как объект конституционных прав не нуждается в установлении определенных критериев и признаков [4]. И если с первыми двумя утверждениями вряд ли стоит спорить, то последнее может вызвать серьезные возражения, которые можно представить в виде такого вопроса: если невозможно определить границы объекта права, то в каких границах необходимо осуществлять его защиту?

Ответ на данный вопрос может быть следующим. Сама по себе Конституция РФ не создала механизма защиты тех прав, которые в ней зафиксированы. Конкретные способы и механизм их защиты разработаны в отраслевых нормативно-правовых актах. Базируясь на закреплении существования такой правовой возможности, как право на неприкосновенность жилища, законодатель в уголовном, гражданском, жилищном законодательстве закрепляет конкретные объекты такой охраны и устанавливает приемлемые для них способы защиты. Именно поэтому представители науки уголовного права справедливо указывают на то, что понятие и содержание конституционного права на *непри-*

косновенность жилища рассматриваются как объект уголовно-правовой охраны [7]. Вместе с тем само жилище представляет собой предмет преступления, предусмотренного ст. 139 УК РФ.

Субъектом правовой охраны, согласно Конституции РФ, выступает лицо, проживающее в жилище. Обратим внимание, что Основной закон страны никак не связывает защиту с обладанием конкретным субъективным правом на жилое помещение. Речь идет о недопустимости нарушать права проживающего, будь то собственник, наниматель, отказополучатель, член семьи или временный жилец. Заметим, что понятия «право проживания» и «субъект права проживания» являются малоисследованными в юридической литературе, что свидетельствует как минимум о неопределенности субъекта защиты в соответствии с действующим законодательством.

Остановимся на нескольких проблемах, обсуждаемых в различных отраслях права применительно к субъекту охраны и защиты неприкосновенности жилища.

Право на неприкосновенность жилища принадлежит *проживающим в нем лицам*. Очевидно, что подобный акцент говорит о том, что анализируемое право предоставляется только такому обладателю субъективного права на жилое помещение, который его осуществляет, т.е. живет в нем. Другими словами, если жилой дом принадлежит собственнику, никогда в нем не проживавшему, то у данного собственника не может возникнуть право на неприкосновенность жилища.

Подобный подход тесно связан с выяснением вопроса об имущественной или неимущественной природе права на неприкосновенность жилища, о чем будет сказано чуть позднее. Применительно же к характеристике субъекта охраны еще раз обратим внимание, что ни о какой защите прав на неприкосновенность жилища не может идти речи в том случае, если в этом объекте не осуществлялось одно из базовых правомочий любого субъективного права на жилое помещение — правомочие пользования (которое включает в себя проживание).

Считаем, что бесспорным является и следующее утверждение: если на жилое помещение существует несколько субъективных прав (например, право собственности и право нанимателя по договору коммерческого найма), то собственник не будет обладать правом на неприкосновенность жилища, поскольку передал его для проживания нанимателю.

В науке уголовного права в большей степени обсуждается другой, связанный с вышеназванным аспектом проблемы. Речь идет о выяснении *воли* проживающего лица на проникновение в жилое помещение. Это важный вопрос, но, думается, он произведен от предыдущего, поскольку сначала требуется определить лицо, наличие или отсутствие воли которого необходимо выяснить.

Так, Л.Г. Мачковский отмечает, что в практике правоприменительных органов возникают затруднения в тех случаях, когда лицом совершается незаконное проникновение в жилище, в котором отсутствуют проживающие лица (находятся на работе, в отпуске и т.п.). Автор сомневается в возможности квалифицировать такие действия как проникновение в жилище против воли проживающего в нем лица, поскольку это лицо отсутствует в жилище, и предлагает указание на волю вообще исключить из диспозиции ч. 1 ст. 139 УК РФ [8, с. 58; 9, с. 8]. Как видно, правоведом обсуждается частный случай затронутой проблемы: проживающее лицо отсутствует в объекте и выяснение его воли затруднительно.

Об аналогичном аспекте упоминает и А.В. Серебренникова, поддерживающая введение в российское уголовное законодательство положений законодательства Германии о том, что ответственность должна наступать не только при явно выраженной отрицательной воле проживающего лица (против воли), но и без выяснения его воли (помимо воли) [10, с. 40].

Согласимся с тем, что изначально следует исходить из того, что воли на проникновение в жилище у обладателя анализируемого права нет. Только в том случае, если она ясно и четко выражена, можно говорить, что доступ к жилищу предоставлен на законном основании. Думается, представителям науки уголовного права необходимо воспользоваться достижениями цивилистики в части признания того обстоятельства, что молчание признается выражением воли совершить сделку только в случаях, предусмотренных законом или соглашением сторон, и не считается согласием на совершение сделки, за исключением случаев, установленных законом (ст. 157, 158 ГК РФ). Безусловно, что в этих статьях речь ведется о согласии на совершение сделки, однако природа согласия на совершение фактических действий (согласие на допуск в жилое помещение) ничем от нее не отличается. Следовательно, молчание проживающего лица не может считаться его волей на допуск в жилое помещение, которая должна быть четко выражена.

Возвращаясь к проблеме определения субъекта права на неприкосновенность жилища, вернемся к понятию «проживающее лицо». Во-первых, бесспорно, что это лицо должно находиться в жилом помещении на законном основании, т.е. обладать каким-либо субъективным правом на него. Следуя этому утверждению, нужно понимать, что к таким лицам относятся не только те, кто обладает бессрочным субъективным правом (собственники, члены их семей, наниматели по договору социального найма и пр.), но и лица, чье проживание носит временный характер (наниматели, временные жильцы и пр.). Таким образом, если к собственнику на день приехал друг в гости и он заселил его в свое жилое помещение, то последний становится обладателем права на неприкосновенность жилища. Во-вторых, понятие «проживание», как уже было отмечено, не определено не только нормативно, но и доктринально. Все вроде бы понимают, что это такое, но формулировать не пытаются. В толковых словарях определения также отсутствуют, есть лишь синонимичный ряд терминов: жизнь, растрата, сожительство, жительство, обитание, квартирование, существование, прожиток, место жительства, прожитие, пребывание, жительство.

В российском законодательстве понятие проживания традиционно толкуется через термин «место жительства». Под ним понимается место постоянного или преимущественного проживания⁵, которое служит ориентиром недопустимости ущемления прав граждан на свободу передвижения и выбор места жительства [11], а также при оценке влияния роли и качества миграционного законодательства на уровень преступности [12].

Проживать — значит жить, существовать, пребывать, обитать в объекте. В переводе на юридический язык можно предположить наличие следующих квалифицирующих признаков для признания лица проживающим:

- физическое присутствие в жилище;
- использование базовых функций жилого помещения, свидетельствующих об извлечении из него полезных свойств⁶.

⁵ О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации : закон РФ от 25 июня 1993 г. № 5242-1 (ред. от 2 июня 2016 г.) // Российская газета. 1993. 10 авг.

⁶ Речь в первую очередь идет о предлагавшихся нами ранее таких функциях жилого помещения, как защитная, социальная и индивидуалистическая (более подробно см., напр.: [13]).

Применительно к первому признаку возникает вопрос о целях, сроках и критериях такого присутствия. Зададимся вопросом: если человек раз в год посещает свое жилище или раз в пять лет делает там ремонт, то можно ли считать его проживающим? Представляется, что нет. Физическое присутствие человека в объекте дает основание квалифицировать это как проживание только в том случае, если его целью является реализация базовых функций жилого помещения. Например, лицо присутствует в жилом помещении с целью совершения необходимых для его физической целостности действий (ест, пьет, спит, защищается от непогоды), т.е. реализует защитную функцию жилого помещения, или для целей формирования пространства, называемого его частной жизнью, которую он хотел бы скрыть от всех третьих лиц (индивидуалистическая функция).

Подобная характеристика категории «проживание» должна учитываться при применении норм о защите прав на неприкосновенность жилища в любых отраслях права — и в уголовном, и в гражданском, и в жилищном.

Теперь перейдем к рассмотрению содержания и природы данного права. Содержание права на неприкосновенность жилища не вызывает вопросов у специалистов ни в одной из отраслей права. Эта проблема настолько очевидна, что в одних комментариях к Конституции РФ ученые даже не пытаются ее сформулировать [1], в других аксиоматично утверждают: «Конституционный принцип неприкосновенности жилища означает запрет входить в него против воли проживающих в нем лиц» [14].

Содержание любого права — это те правовые возможности, которые есть у его обладателя. Обладатель права на неприкосновенность жилища наделен единственной правовой возможностью (единственным правомочием) — возможностью ограничивать доступ к жилому помещению, занимаемому на любом законном основании. При этом все иные лица обязаны воздерживаться от проникновения в него. И обсуждать в этом вопросе можно лишь границы права, установленные публичным правопорядком, и исключения из его содержания. Речь идет о допустимости проникновения в жилище в случае проведения следственных действий [15], в чрезвычайных ситуациях, для спасения жизни людей и пр.

Другое дело — природа данной возможности, ее соотношение с иными правами, сформулированными как в Конституции РФ, так и в отраслевых законах, и те возможные способы

защиты, которые устанавливаются в отраслевых актах. И здесь, как представляется, акцент необходимо делать на природе данного права, предопределенной его объектом и субъектом.

Так, в российской судебной практике давно устоялся подход, в соответствии с которым если проникновение в жилище выступает способом совершения другого преступления, например кражи, грабежа, разбоя, и является его квалифицирующим признаком, то такое деяние не образует совокупности составов преступления и дополнительной квалификации по ст. 139 УК РФ не требует. Вместе с тем если умысел, допустим, на кражу возник уже после проникновения в жилище, то суды справедливо квалифицируют такие действия и по ст. 139, и по ст. 158 УК РФ⁷.

При анализе природы права на неприкосновенность жилища преобладает позиция, согласно которой данное право выступает личным неимущественным правом и составляющей права на неприкосновенность частной жизни (ст. 150 ГК РФ).

И Конституция РФ, и УК РФ проводят достаточно четкую границу между правами на имущество, подлежащими защите, и особыми правами, которые следует относить к нематериальным благам. Так, в Конституции РФ право на неприкосновенность жилища существует параллельно с правом на жилище, а ст. 139 УК РФ расположена в главе «Преступления против конституционных прав и свобод человека и гражданина», а не в главе «Преступления против собственности».

Тем не менее соотношение права на неприкосновенность жилища с правом на неприкосновенность частной жизни — постоянная тема не только для научных дискуссий, но и для правоприменения.

В зарубежных научных исследованиях данная проблематика обсуждается в нетипичных для российской доктрины контекстах, в частности исторического происхождения рассматриваемого права [16], или применительно к различным субъектам правоотношений [17].

Для иллюстрации постоянного сочетания вопросов о защите частной и семейной жизни и неприкосновенности жилища приведем выдержку из определения Конституционного Суда РФ: «При разрешении жалоб, касающихся

нарушения прав заявителей вследствие проведения обыска в их жилище, Европейский Суд по правам человека указывал, что к надлежащим средствам государственной защиты прав и законных интересов в национальном законодательстве относятся право на обжалование законности обыска и право на материальное возмещение в связи с вмешательством в личную жизнь; при этом использование власти для такого вмешательства и нарушения неприкосновенности жилища должно быть ограничено разумными пределами, с тем, чтобы было сведено к минимуму воздействие на гарантированное статьей 8 Конвенции о защите прав человека и основных свобод право на уважение частной и семейной жизни»⁸.

Отметим, что связь права на неприкосновенность жилища с правом на охрану частной жизни подчеркивают и признают большинство исследователей различных отраслей права [18, с. 139–140; 19, с. 118, 123]. Однако такая взаимосвязь обозначенных прав не отрицает их обособленный характер. Признавая самостоятельный характер права на неприкосновенность (охрану) частной жизни, большинство ученых прямо или косвенно сводят его содержание к аккумулярованию в его составе всех личных прав граждан, поименованных в Конституции РФ. Все проявления частной жизни подлежат охране и защите через провозглашение иных базовых личных прав (на личную и семейную тайну, тайну корреспонденции, неприкосновенность личности и жилища). В этой связи, действительно, право на неприкосновенность жилища выступает определенной гарантией реализации права на неприкосновенность (охрану) частной жизни. Однако такой вывод требует ряда уточнений. Так, справедливым нам представляется высказывание о том, что «юридические гарантии сами нуждаются в юридических гарантиях» [20, с. 267], и это наглядно можно продемонстрировать на примере анализируемых прав. Право на неприкосновенность частной жизни, право на тайну корреспонденции, право на личную и семейную тайну и др. в некоторой степени выступают как гарантии друг для друга. Таким образом, рассматривать право

⁷ Приговор Черкесского городского суда Карачаево-Черкесской Республики по уголовному делу № 1-484/11 от 26 июня 2012 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://rospravosudie.com> (Банк судебных решений).

⁸ По жалобе гражданина Федорова Дениса Валериановича на нарушение его конституционных прав положением пункта 2 статьи 1070 Гражданского кодекса Российской Федерации : определение Конституц. Суда РФ от 8 апр. 2010 г. № 524-О-П // Вестник Конституционного Суда РФ. 2010. № 5.

на неприкосновенность жилища в качестве гарантии реализации иных конституционных прав можно с достаточной долей условности.

Наиболее ярко дискуссия о природе права на неприкосновенность жилища проявляется, безусловно, в цивилистике, когда речь заходит о возможности требовать компенсацию морального вреда за незаконное проникновение в жилище и нарушение его неприкосновенности. И здесь сложилось две основных точки зрения.

Первая заключается в том, что неприкосновенность жилища есть благо, которое служит одним из элементов такого неотчуждаемого блага, как свобода личности, и нарушение его следует расценивать как причинение *вреда самому лицу*, а не жилищному объекту; вред, причиняемый самому жилищному объекту, будет являться имущественным, а вот переживания, связанные с вторжением в жилище, образуют вред моральный, степень его зависит от конкретных обстоятельств причинения вреда. Ученые, отстаивающие эту позицию, полагают, что требуется внести ясность в правоприменительную (судебную) практику, связанную с компенсацией морального вреда за нарушение данного права (неприкосновенности жилища) [21].

Согласно второй точке зрения, рассматривать жилое помещение одновременно как вещь и как нематериальное благо человека нельзя, поскольку тогда в качестве нематериальных благ также надо рассматривать продукты питания, одежду и иные вещи, призванные обеспечивать нормальный уровень физического существования человека. При этом признаётся, что жилище, как и пища, одежда и т.д., является необходимым условием нормального обеспечения жизнедеятельности человека. В итоге исследователи полагают, что нормы действующего законодательства, таким образом, направлены прежде всего на защиту именно имущественных интересов собственника жилого помещения [22].

Первая позиция представляется более обоснованной и аргументированной. Никто не пытается доказать, что жилище само по себе есть нематериальное благо. Жилище — это предмет материального мира, имущество, вещь, которое наряду с иными предметами материального мира (одеждой, пищей) обеспечивает физиологическую целостность человека, и с этим никто не спорит. Вместе с тем проживание человека в жилище, осуществление в нем личной жизни превращает его в объект, в котором аккумулируются определенные свойства человеческой

личности. Жилище выполняет функцию индивидуализации частной жизни лица. Именно поэтому нематериальным благом названо не само жилище, а его неприкосновенность.

Отношение к жилищу только как к материальному объекту неправильно и с точки зрения борьбы с преступлениями, посягающими на неприкосновенность жилища. Люди, совершающие данные преступления, при таком понимании достаточно легко оправдывают себя некими «уважительными» причинами, считая, что не причинили вреда самому жилому помещению, а значит, ничего и не нарушили. В этой связи указание специалистов в области уголовного права на то обстоятельство, что многие лица, привлеченные к ответственности, плохо понимают, что совершают преступление, вторгаясь в чужое жилище, например к должникам с целью возврата долга, во время бытовых ссор, в процессе выяснения отношений между бывшими супругами, знакомыми и по другим, как им кажется, уважительным, причинам⁹, представляется очень наглядным¹⁰.

Именно в этой плоскости следует рассматривать вопрос о возможности нарушения неприкосновенности жилища путем не только фактического в него проникновения, но и внешнего аудио- и видеонаблюдения за ним. Традиционно считается, что одним из способов совершения

⁹ Среди причин, вызывающих рост числа этих преступлений в настоящее время, можно назвать общее снижение правовой культуры граждан, неуважительное отношение к правам и свободам других лиц, обесценивание межличностных отношений, правовую безграмотность и правовой нигилизм (см.: [23]).

¹⁰ «Руденко И.В. совершил умышленные преступления в г. Кемерово при следующих обстоятельствах: 29.03.2012 года в период времени с 07 часов 30 минут по 11 часов 00 минут Руденко И.В., находясь на [Адрес обезличен], в состоянии алкогольного опьянения, действуя умышленно, из личной заинтересованности, желая найти место для сна, с целью нарушения неприкосновенности жилища, то есть незаконного проникновения в жилище, против воли проживающего в нем лица, осознавая, что нарушает неприкосновенность чужого жилища, и желая этого, подошел к дому, расположенному по адресу: [Адрес обезличен], руками сорвал навесной замок с входной двери, после чего через входную дверь незаконно проник внутрь жилища против воли постоянно проживающей в нем потерпевшей ФИО5, тем самым нарушив своими преступными действиями ее конституционные права на неприкосновенность жилища, предусмотренные ст. 25 Конституции РФ» (курсив наш. — С. С., А. Б.) (Решение Рудничного районного суда г. Кемерово Кемеровской области по ч. 1 ст. 139 УК РФ [Электронный ресурс]. URL: <https://rospravosudie.com> (Банк судебных решений)).

данного преступления является «контролирование жилища изнутри с помощью специальных технических средств». Указанное демонстрирует, что с позиции уголовного права жилище не рассматривается исключительно как материальный объект, нарушение физических границ которого приводит к нарушению его неприкосновенности. Важным является сам факт получения доступа к тому, как человек организует свою жизнь, что свидетельствует о том, что такое вторжение больше тяготеет к нарушению личной неприкосновенности. Именно в этом случае наглядно видна сложность разделения прав на личную и семейную тайну, тайну корреспонденции, неприкосновенность личности и жилища и их теснейшее переплетение. Квалифицируя действия по «контролированию жилища изнутри» с помощью аудио- и видеонаблюдения как нарушение неприкосновенности жилища, необходимо четко соблюдать грань между указанными правами и, соответственно, их уголовно-правовой охраной.

Еще одним значением понятия «неприкосновенность жилища», указанным в начале работы, является провозглашение неприкосновенности жилища в качестве основного принципа (основного начала) уголовного судопроизводства и жилищного законодательства. Практика воспроизведения определенных конституционных норм в качестве основных начал законодательства стала применяться в последние десятилетия. Подобное признание не только подчеркивает их важность для соответствующего законодательства, но и имеет вполне практическую направленность, которая выражается в их применении при использовании аналогии закона, а также к соответствующим отношениям иного законодательства. Конкретизацию отдельных положений Конституции РФ, связанных с правом на неприкосновенность жилища, в отраслевом законодательстве можно только приветствовать, если при этом не происходит изменение содержания данных прав. По сути, именно детализация конкретных конституци-

онных прав и выступает основной юридической гарантией их реализации.

В завершение отметим, что не относим себя к сторонникам взглядов, согласно которым решение тех или иных проблем, в том числе и в области уголовно-правовой охраны неприкосновенности жилища, возможно лишь путем совершенствования текста нормативно-правовых актов. Учет не только узкоотраслевых подходов, но и межотраслевых доктринальных исследований в области неприкосновенности жилища позволит постепенно усовершенствовать правоприменение и выработать механизмы предупреждения преступлений в данной области общественных отношений. Основными ориентирами, которыми следует руководствоваться правоприменителю при уголовно-правовой охране неприкосновенности жилища и которые были предложены в данной работе, следует назвать:

- жилище в качестве предмета преступления по ст. 139 УК РФ не должно толковаться исключительно как материальное благо (предмет материального мира), поскольку оно в определенной степени выступает «продолжением» личности человека, средством ее индивидуализации;

- наличие права на неприкосновенность жилища направлено на защиту частной жизни лица, однако имеет ценность само по себе, поскольку не столько гарантирует защиту информации о личной и семейной жизни, сколько ограждает от негативного воздействия на личность человека, его свободу и образ жизни;

- обладателем права на неприкосновенность жилища является не просто тот, кто выступает титульным владельцем жилого помещения (собственник, наниматель и т.д.), а тот титульный владелец, который реализует правомочия пользования — непосредственно проживает в жилом помещении;

- молчание обладателя права на неприкосновенность жилища не может расцениваться как согласие на допуск в жилое помещение.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бархатова Е.Ю. Комментарий к Конституции Российской Федерации (постатейный) / Е.Ю. Бархатова. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Проспект, 2015. — 272 с.
2. Малахова В.Ю. Уголовно-правовая охрана неприкосновенности жилища в Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / В.Ю. Малахова. — М., 2001. — 161 с.
3. Герасимова Л.И. Принцип неприкосновенности жилища и его реализация в досудебном производстве по уголовным делам : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Л.И. Герасимова. — М., 2005. — 201 с.
4. Внуков Н.А. Соотношение понятий «жилище» и «жилые помещения» в конституционном и жилищном праве / Н.А. Внуков, О.Е. Алексикова // Гражданское право. — 2009. — № 3. — С. 15–17.
5. Балабанов М. Личная свобода (Неприкосновенность личности, жилища, частной переписки и свободы передвижения) / М. Балабанов. — М.: Нов. мир, 1917. — 48 с.

6. Гражданское право: актуальные проблемы теории и практики / под общ. ред. В.А. Белова. — М. : Юрайт-Издат, 2007. — 993 с.
7. Авшеев Э.Ю. Уголовно-правовая охрана права на неприкосновенность жилища : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Э.Ю. Авшеев. — Ростов н/Д., 2005. — 187 с.
8. Мачковский Л.Г. Уголовная ответственность за незаконное проникновение в жилище / Л.Г. Мачковский // Российская юстиция. — 2003. — № 7. — С. 57–59.
9. Мачковский Л.Г. Преступления против конституционных прав человека и гражданина: проблемы теории и практики правового регулирования : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08 / Л.Г. Мачковский. — М., 2005. — 54 с.
10. Серебренникова А.В. Уголовно-правовое обеспечение конституционных прав и свобод человека и гражданина по законодательству Российской Федерации и Германии : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08 / А.В. Серебренникова. — М., 2008. — 56 с.
11. Discrimination based on place of residence and access to employment / M. Bunel, E. Ene, Y. L'Horty, P. Petit // *Urban Studies*. — 2016. — Vol. 53 (2). — P. 267–286.
12. Aliverti A. Making people criminal: The role of the criminal law in immigration enforcement / A. Aliverti // *Theoretical Criminology*. — 2012. — Vol. 16 (4). — P. 417–434. — DOI: 10.1177/1362480612449779.
13. Суслова С.И. Функции жилого помещения как объекта жилищных отношений / С.И. Суслова // Семейное и жилищное право. — 2013. — № 3. — С. 45–47.
14. Конституция Российской Федерации. Доктринальный комментарий (постатейный) / под науч. ред. Ю.И. Скуратова. — М. : Статут, 2013. — 688 с.
15. Daly Y.M. Independent issuing of search warrants: *Damache v DPP* / Y.M. Daly // *The International Journal of Evidence & Proof*. — 2013. — Vol. 17. — P. 114–122.
16. Smith J.A. Moral guardians and the origins of the right to privacy / J.A. Smith // *Journalism & Communication Monographs*. — 2008. — Vol. 10, № 1. — P. 63–110.
17. Macenaite M. From universal towards child-specific protection of the right to privacy online: Dilemmas in the EU General Data Protection Regulation [Electronic resource] / M. Macenaite // *New Media & Society*. — 2017. — Mode of access: <http://journals.sagepub.com/doi/pdf/10.1177/1461444816686327>.
18. Смолькова И.В. Частная жизнь: значение, понятие, неприкосновенность / И.В. Смолькова // Доступ граждан к законодательству Российской Федерации. Защита прав граждан на неприкосновенность частной жизни : материалы междунар. «круглого стола», Иркутск, 24–26 сент. 2001 г. / редкол.: В.В. Игнатенко, А.А. Протасевич, А.Л. Репецкая [и др.]. — Иркутск : Изд-во ИГЭА, 2003. — С. 136–143.
19. Фролова О.С. Частная жизнь в свете Конвенции о защите прав человека и основных свобод / О.С. Фролова // Журнал российского права. — 2008. — № 10. — С. 118–123.
20. Головистикова А.Н. Права человека : учебник / А.Н. Головистикова, Л.Ю. Грудцына. — М. : Эксмо, 2006. — 864 с.
21. Карлов В.П. Нарушение неприкосновенности жилища как основание компенсации морального вреда — коллизии законодательства и судебной практики / В.П. Карлов // Российская юстиция. — 2014. — № 5. — С. 55–57.
22. Горячева Е.В. Неприкосновенность собственности на жилище: сравнительный анализ законодательства Казахстана и России / Е.В. Горячева // Конституционное и муниципальное право. — 2015. — № 5. — С. 47–54.
23. Новиков В.А. Неприкосновенность жилища: конституционные, уголовно-правовые и уголовно-процессуальные гарантии / В.А. Новиков // Российская юстиция. — 2011. — № 10. — С. 16–19.

REFERENCES

1. Barkhatova E.Yu. *Kommentarii k Konstitutsii Rossiiskoi Federatsii (postateinyi)* [Comments to the Constitution of the Russian Federation (article-by-article)]. 2nd ed. Moscow, Prospekt Publ., 2015. 272 p.
2. Malakhova V.Yu. *Ugolovno-pravovaya okhrana neprikosновенности zhilishcha v Rossiiskoi Federatsii. Kand. Diss.* [Criminal law protection of the inviolability of the home in the Russian Federation. Cand. Diss.]. Moscow, 2001. 161 p.
3. Gerasimova L.I. *Printsip neprikosновенности zhilishcha i ego realizatsiya v dosudebnom proizvodstve po ugolovnym delam. Kand. Diss.* [The principle of the inviolability of the home and its implementation in pre-trial criminal procedures. Cand. Diss.]. Moscow, 2005. 201 p.
4. Vnukov N.A., Aleksikova O.E. Correlation of the concepts «dwelling» and «housing premises» in constitutional and housing law. *Grazhdanskoe pravo = Civil Law*, 2009, no. 3, pp. 15–17. (In Russian).
5. Balabanov M. *Lichnaya svoboda (Neprikosновенnost' lichnosti, zhilishcha, chastnoi perepiski i svobody peredvizheniya)* [Personal Freedom (Inviolability of person, home, private correspondence and freedom of movement)]. Moscow, Novyi Mir Publ., 1917. 48 p.
6. Belov V.A. (ed.). *Grazhdanskoe pravo: aktual'nye problemy teorii i praktiki* [Civil Law: Topical Issues of the Theory and Practice]. Moscow, Yurait-Izdat Publ., 2007. 993 p.
7. Avsheev E.Yu. *Ugolovno-pravovaya okhrana prava na neprikosновенност' zhilishcha. Kand. Diss.* [Criminal law protection of the right to the inviolability of the home. Cand. Diss.]. Rostov-on-Don, 2005. 187 p.
8. Machkovskii L.G. Criminal liability for illegal trespassing of a dwelling. *Rossiiskaya yustitsiya = Russian Justice*, 2003, no. 7, pp. 57–59. (In Russian).
9. Machkovskii L.G. *Prestupleniya protiv konstitutsionnykh prav cheloveka i grazhdanina: problemy teorii i praktiki pravovogo regulirovaniya. Avtoref. Dokt. Diss.* [Crimes against constitutional rights of man and citizen: issues of the theory and practice of legal regulation. Doct. Diss. Thesis]. Moscow, 2005. 54 p.
10. Serebrennikova A.V. *Ugolovno-pravovoe obespechenie konstitutsionnykh prav i svobod cheloveka i grazhdanina po zakonodatel'stvu Rossiiskoi Federatsii i Germanii. Avtoref. Dokt. Diss.* [Criminal law support of constitutional rights and freedoms of man and citizen in the legislations of the Russian Federation and Germany. Doct. Diss. Thesis]. Moscow, 2008. 56 p.

11. Bunel M., Ene E., L'Horty Y., Petit P. Discrimination based on place of residence and access to employment. *Urban Studies*, 2016, vol. 53 (2), pp. 267–286.
12. Aliverti A. Making people criminal: The role of the criminal law in immigration enforcement. *Theoretical Criminology*, 2012, vol. 16 (4), pp. 417–434. DOI: 10.1177/1362480612449779.
13. Suslova S.I. The functions of a dwelling place as an object of housing relations. *Semeinoe i zhilishchnoe pravo = Family and Housing Law*, 2013, no. 3, pp. 45–47. (In Russian).
14. Skuratov Yu.I. (ed.). *Konstitutsiya Rossiiskoi Federatsii. Doktrinal'nyi kommentarii (postateinyi)* [The Constitution of the Russian Federation. Doctrinal Commentary (article-by-article)]. Moscow, Statut Publ., 2013. 688 p.
15. Daly Y.M. Independent issuing of search warrants: *Damache v DPP. The International Journal of Evidence & Proof*, 2013, vol. 17, pp. 114–122.
16. Smith J.A. Moral guardians and the origins of the right to privacy. *Journalism & Communication Monographs*, 2008, vol. 10, no. 1, pp. 63–110.
17. Macenaite M. From universal towards child-specific protection of the right to privacy online: Dilemmas in the EU General Data Protection Regulation. *New Media & Society*, 2017. Available at: <http://journals.sagepub.com/doi/pdf/10.1177/1461444816686327>.
18. Smol'kova I.V. Private life: meaning, concept, inviolability. In Ignatenko V.V., Protasevich A.A., Repetskaya A.L. et al. (eds). *Dostup grazhdan k zakonodatel'stvu Rossiiskoi Federatsii. Zashchita prav grazhdan na neprikosновенnost' chastnoi zhizni. Materialy mezhdunarodnogo «kruglogo stola». Irkutsk, 24–26 sentyabrya 2001 g.* [Access of Citizens to the Legislation of the Russian Federation. Protecting the Right to Privacy. Materials of an International «Round Table». Irkutsk, September 24–26, 2001]. Irkutsk State Economics Academy Publ., 2003, pp. 136–143. (In Russian).
19. Frolova O.S. Private life in the light of the Convention for the Protection of Human Rights and Basic Freedoms. *Zhurnal rossiyskogo prava = Russian Law Journal*, 2008, no. 10, pp. 118–123. (In Russian).
20. Golovistikova A.N., Grudtsyna L.Yu. *Prava cheloveka* [Human Rights]. Moscow, Eskmo Publ., 2006. 864 p.
21. Karlov V.P. Violation of the inviolability of the home as the base compensation of moral harm — collisions of legislation and judicial practice. *Rossiiskaya yustitsiya = Russian Justice*, 2014, no. 5, pp. 57–57. (In Russian).
22. Goryacheva E.V. Immunity of ownership to living accommodation: comparative analysis of legislation of Kazakhstan and Russia. *Konstitutsionnoe i munitsipalnoe pravo = Constitutional and Municipal Law*, 2015, no. 5, pp. 47–54. (In Russian).
23. Novikov V.A. Inviolability of the home: constitutional, criminal law and criminal process guarantees. *Rossiiskaya yustitsiya = Russian Justice*, 2011, no. 10, pp. 16–19. (In Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Суслова Светлана Игоревна — заместитель директора по научной работе Иркутского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), профессор кафедры гражданского права и процесса, доктор юридических наук, доцент, г. Иркутск, Российская Федерация; e-mail: svetsuslova@yandex.ru.

Бычков Артур Викторович — директор Иркутского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), кандидат юридических наук, доцент, г. Иркутск, Российская Федерация; e-mail: rpa38@mail.ru.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Суслова С.И. Современные подходы к пониманию неприкосновенности жилища: уголовно-правовой и межотраслевой аспекты / С.И. Суслова, А.В. Бычков // Всероссийский криминологический журнал. — 2017. — Т. 11, № 2. — С. 299–307. — DOI: 10.17150/2500-4255.2017.11(2).299-307.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Suslova, Svetlana I. — Deputy Director for Research, Irkutsk Institute (branch) of All-Russian State University of Justice (the Russian Law Academy of the Ministry of Justice of the Russian Federation), Doctor of Law, Ass. Professor, Irkutsk, the Russian Federation; e-mail: svetsuslova@yandex.ru.

Bychkov, Artur V. — Head, Irkutsk Institute (branch) of All-Russian State University of Justice (the Russian Law Academy of the Ministry of Justice of the Russian Federation), Ph.D. in Law, Ass. Professor, Irkutsk, the Russian Federation; e-mail: rpa38@mail.ru.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Suslova S.I., Bychkov A.V. Modern approaches to understanding the inviolability of the home: criminal law and inter-branch aspects. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, 2017, vol. 11, no. 2, pp. 299–307. DOI: 10.17150/2500-4255.2017.11(2).299-307. (In Russian).